

Встрѣчи и столкновенія ¹⁾.

(И. Е. Андреевскій, П. Г. Рѣдкинъ, И. Я. Горловъ).

И. Е. Андреевскій.

Привѣтствую тебя на склонѣ лѣтъ, милый мой руководитель въ первыхъ научныхъ работахъ!

Написалъ я эти строки и задумался. Онѣ у меня вылились изъ сердца, и тѣмъ не менѣе въ нихъ есть неправда, хотя я дѣйствительно магистрировалъ по каѳедрѣ добрейшаго Ивана Ефимовича. Почему же извѣстный профессоръ и ученый, пользовавшійся общимъ уваженіемъ и признаніемъ, такъ что его выбирали и въ ректоры университета, и въ директоры археологическаго института, и въ предсѣдатели всевозможныхъ ученыхъ и неученыхъ обществъ, поражавшій своихъ современниковъ богатствомъ и разносторонностью знаній, блестящимъ остроуміемъ и краснорѣчіемъ, не могъ быть моимъ руководителемъ въ первыхъ научныхъ работахъ? Да по той простой причинѣ, что онъ, несмотря на всѣ его ученныя степени и признаніе его ученыхъ заслугъ, никогда ученымъ не былъ.

Это можетъ казаться парадоксомъ, да и было бы парадоксомъ въ другихъ цивилизованныхъ странахъ, но въ Россіи это—фактъ возможный и, скажу даже, повторяющійся ежедневно, ибо ученныя заслуги у насъ далеко не единственный и не самый надежный путь къ пріобрѣтенію репутаціи ученаго. Сколько у насъ было и есть ученыхъ, которые, защитивъ съ грѣхомъ пополамъ или съ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ апрѣль 1912 г.

блескомъ магистерскую и докторскую диссертациі, преподавали затѣмъ свой, а иногда и чужой предметъ одновременно въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ, не находя досуга заниматься наукой и, кончивъ такимъ образомъ свою многотрудную жизнь, не оставляли ни малѣйшаго слѣда—не говорю уже—въ наукѣ вообще, но даже и въ убогой російской наукѣ. Очевидно, такіе ученые могутъ называться учеными только по недоразумѣнію: они являются преподавателями высшихъ учебныхъ заведеній,—вотъ и все, но не двигаютъ науки, да и не могутъ помочь разобраться въ ней начинающимъ ученымъ. Моими руководителями въ этомъ отношеніи были изъ иностранцевъ Моль и Штейнъ, изъ русскихъ—П. Г. Рѣдкинъ, но И. Е. Андреевскій моимъ руководителемъ никогда не былъ, и я даже уже на студенческой скамьѣ уяснилъ себѣ, что его научные взгляды лишены той глубины и продуманности, безъ которыхъ истинный ученый немислимъ.

Дѣло въ томъ, что у Ивана Ефимовича было очень много выдающихся качествъ, но только не тѣ, которыя требуются для ученаго. По своей натурѣ онъ былъ не ученымъ, а общественнымъ дѣятелемъ; для послѣдняго въ немъ все соединялось—и большая отзывчивость къ вопросамъ, касавшимся общаго благополучія, и усидчивость въ ихъ изученіи, и необычайная подвижность, когда это требовалось обстоятельствами, и находчивость въ отраженіи аргументовъ противника, и несомнѣнный даръ слова, заставлявшій и равнодушныхъ людей внимательно прислушиваться къ его рѣчи, и готовность приносить жертвы для общества, и гуманность...

Помню, шли мы съ нимъ по Б. Садовой, углубленные въ бесѣду. Какой-то мальчикъ съ ношей на головѣ чуть не сшибъ меня съ ногъ, такъ что я разсердился и пригрозилъ ему полиціей. Андреевскій остановилъ мой порывъ словами: „Да, полиція нехорошо дѣлаетъ, что позволяетъ безсердечнымъ торговцамъ такими тяжестями мучить дѣтей и разрушать ихъ здоровье“. Я по молодости лѣтъ никогда не думалъ объ этомъ вопросѣ; возбужденіе же его Андреевскимъ сразу отвлекло мое вниманіе отъ соображеній личной безопасности и направило его на вопросъ общественнаго значенія и гуманнаго характера—вопросъ, который только теперь, сорокъ лѣтъ спустя, включенъ градоначальникомъ въ кругъ вѣдомства петербургской полиціи.

Возьму другой миѣ памятный примѣръ. Экзаменуется у Андреевскаго изъ полицейскаго права студентъ довольно самоувѣренный и довольно плохо знающій предметъ. На мягкое указаніе профессора, что студентъ недостаточно вникъ въ прозаическій вопросъ, по которому отвѣчаетъ, онъ имѣетъ неосторожность буркнуть, что это—

не философія Платона. Андреевскій при общей улыбкѣ аудиторіи вкрадчиво замѣчаетъ: „Можно прекрасно знать философію Платона, быть даже самому великимъ философомъ и заболѣть или умереть отъ міазмомъ изъ выгребной ямы, находящейся подъ окномъ“.

Немногимъ еще живымъ лицамъ, бывшимъ одновременно со мною въ Петербургскомъ университетѣ, никогда не забыть впечатлѣнія, которое произвели на насъ его возраженія на диспутъ А. Д. Градовскаго.

Докторская дессертація Александра Дмитріевича Градовскаго была посвящена исторіи русскаго мѣстнаго управленія, при чемъ львиная ея доля была озаглавлена: „Уѣздъ Московскаго государства“. Какъ многія диссертаціи, это было начало изслѣдованія, оставшагося навѣки неоконченнымъ, ибо не авторы подобныхъ диссертацій владѣютъ матеріаломъ, а матеріаль владѣетъ ими, т. е. начавъ свое изслѣдованіе, когда они еще не ознакомились съ матеріаломъ, они впоследствии убѣждаются, что ни время, ни мѣсто не позволяютъ имъ исчерпать его, и что придется къ первому тому прибавить второй, третій, четвертый, можетъ быть, девятый, десятый. Такъ и диссертація Градовскаго осталась навсегда неоконченной, а Андреевскій на диспутѣ прекрасно выяснилъ, почему такъ должно было случиться.

Онъ началъ возраженіе съ похвальнаго слова докторанту. Никогда, кажется, Иванъ Ефимовичъ не былъ такъ краснорѣчивъ. Похвалы лились безъ конца, а Градовскій скромно улыбался, чувствуя себя побѣдителемъ, и видимо ихъ благосклонно принималъ за слабую дань своимъ заслугамъ; слушатели же все болѣе убѣждались, что передъ ними на каѳедрѣ стоитъ замѣчательный ученый. Вдругъ Иванъ Ефимовичъ пріостанавливается, какъ будто подъ наплывомъ слишкомъ сильнаго чувства, и тысячная аудиторія, затаивъ дыханіе, прислушивается къ тому, чѣмъ кончится этотъ блестящій панегирикъ. Послѣдняго слова ораторъ очевидно еще не произнесъ.

Дѣйствительно, послѣднее слово было еще впереди...

Иванъ Ефимовичъ продолжалъ приблизительно такъ.

Какъ я обрадовался, когда талантливый молодой ученый посвятилъ объемистый трудъ вопросу, который меня давно уже занималъ и который не получилъ еще въ наукѣ должнаго разъясненія. Всѣ поймутъ, съ какимъ захватывающимъ интересомъ я началъ изучать диссертацію, въ которой наконецъ не только для меня, но и для всѣхъ русскихъ юристовъ долженъ былъ выясниться вопросъ, что такое уѣздъ Московскаго государства, ибо не могъ же докторантъ выбрать предметомъ своего изслѣдованія вопросъ, который для него самого неясенъ. И вотъ я началъ изучать его диссертацію: прочелъ

ее внимательно разъ, прочелъ два, прочелъ три, но... все-таки не знаю, что такое уѣздъ Московскаго государства...

И Иванъ Ефимовичъ умолкъ, недоумѣвающе взглянувъ на Градовскаго.

Вся зала чувствовала, что если тотъ не отвѣтитъ вразумительно и ясно, его ученая репутація сильно пострадаетъ. Но какъ онъ ни изворачивался, все же ему не удалось выяснитъ ни въ административномъ, ни въ территоріальномъ отношеніи, что такое былъ уѣздъ Московскаго государства. Вдобавокъ Андреевскій еще отмѣтилъ, что Градовскій въ общей части своего труда доказываетъ, что человѣкъ можетъ себя чувствовать совершенно свободнымъ даже и въ несвободномъ государствѣ. Такимъ образомъ и въ глазахъ либераловъ Градовскому былъ нанесенъ тяжеловѣсный ударъ.

Все это выясняетъ, какимъ остроумнымъ и находчивымъ человѣкомъ былъ Андреевскій. Но все-таки отсюда до выдающагося ученаго еще далеко. Андреевскій въ сущности къ наукѣ былъ равнодушенъ. Онъ то и дѣло мѣнялъ одну науку на другую. Смотря по надобности, онъ читалъ и государственное право, и юридическую энциклопедію, и исторію права, и русское право, и полицейское право, и городское право. Все зависѣло отъ того, какую кафедру ему предложить; если предметъ былъ ему не совершенно чуждъ, онъ ее принималъ, увѣренный, что блестящія способности „вывезутъ“. Онъ дѣйствительно „вывозили“, и слушатели слушали его охотно. Но какъ и многія другія богато одаренныя натуры, онъ ни на чемъ долго не могъ сосредоточиться: онъ хваталъ все на-лету—схватить и бросить; ему постоянно казалось, что онъ вопросъ уяснилъ себѣ вполне, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ улавливалъ только одну—другую его сторону, болѣе яркую. Въ простой бесѣдѣ это—незамѣнимое качество, и Андреевскій тутъ былъ прямо виртуозъ. Его субботы были такъ интересны, что небольшая его квартира на Фонтанкѣ была по большей части переполнена. Хотя ужинъ, карты и танцы были совсѣмъ изгнаны, но зато всѣхъ ожидала бесѣда хозяина, которая была заманчивѣе всякихъ яствъ, карточного вадора или бальной суеты. Андреевскій былъ неистощимъ на самыя разнообразныя воспоминанія, мѣткія сопоставленія, остроумныя реплики или замѣчанія. Бесѣда эта подчасъ была настоящимъ фейерверкомъ, подчасъ наводила на размышленія интересомъ сообщаемыхъ жизненныхъ фактовъ, подчасъ смѣшила до упаду комичностью замѣченныхъ имъ положеній. И все это было всегда безобидно: онъ никого не задѣвалъ, никого не оскорблялъ и не могъ этого, потому что былъ человѣкъ большой душевной доброты.

Но я въ жизни не знавалъ человѣка, у котораго письменное

слово такъ не походило на устное, какъ у Андреевскаго. Этотъ блестящій ораторъ и остроумный собесѣдникъ становился неузнаваемымъ, когда онъ бралъ въ руки перо.

Послѣ одного вечера, когда онъ былъ особенно въ ударѣ, я его спросилъ, записываетъ ли онъ свои воспоминанія? Со свойственною ему скромностью онъ мнѣ отвѣтилъ, что пробовалъ записывать, но что у него ничего не выходитъ. Я его попросилъ сдѣлать еще одинъ опытъ.

Черезъ нѣкоторое время, когда я къ нему зашелъ вечеркомъ, онъ мнѣ дѣйствительно прочелъ отрывки изъ своихъ воспоминаній, и я былъ удивленъ, какъ все у него выходило блѣдно и неинтересно. Мало того, и просто въ стилистическомъ отношеніи все имъ прочитанное было очень неудачно. Онъ, должно быть, замѣтилъ неблагоприятное впечатлѣніе, произведенное на меня его чтеніемъ, потому что вскорѣ сталъ читать вяло, а потомъ и совсѣмъ прекратилъ чтеніе.

Его тяжелый слогъ, его скучное изложеніе по большей части мало оригинальныхъ мыслей послужили поводомъ къ нашей размовкѣ, доставившей мнѣ горькія минуты въ жизни, такъ какъ я искренно его любилъ и какъ человѣка, и какъ общественнаго дѣятеля. Когда я сталъ редактировать разныя изданія, онъ присылалъ мнѣ свои статьи. При лучшемъ желаніи я, дорожа интересами довѣреннаго мнѣ журнала, рѣдко могъ ихъ помѣщать въ томъ видѣ, въ какомъ онъ мнѣ ихъ присылалъ. Большинство приходилось исправлять, а нѣкоторыя даже возвращать. Отъ этого видимо страдало его самолюбіе. Онъ, къ сожалѣнію, не хотѣлъ стать на ту точку зрѣнія, что мой образъ дѣйствій ни въ какомъ случаѣ не могъ его обидѣть, потому что мы оба не были судьями, кто изъ насъ правъ, а оба мы хотѣли только быть честными, т. е. онъ добросовѣстно писать, а я добросовѣстно редактировать. Но въ человѣческихъ отношеніяхъ объективный взглядъ на вещи—рѣдкость, а субъективизмъ—правило.

Ученые труды Андреевскаго, его курсы государственнаго или полицейскаго права позволяютъ и современному читателю составить себѣ ясное понятіе объ его слогѣ и невольно вызываютъ сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно ли онъ былъ краснорѣчивымъ ораторомъ. Поэтому я и указываю съ особеннымъ удареніемъ на этотъ фактъ. Если бы его не было, то многое въ біографіи самого Андреевскаго и въ былой жизни Петербургскаго университета могло бы показаться неяснымъ. Сколько разъ Андреевскій своимъ находчивымъ и краснорѣчивымъ словомъ доставлялъ во время студенческихъ беспорядковъ побѣду благоразумію, сколько разъ онъ имъ распутывалъ самое запутанное и опасное положеніе!

Подъ конецъ жизни онъ посвятилъ свои силы работѣ преимущественно письменной, а не устной: онъ редактировалъ Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона, и въ этой работѣ вполне сказалось, насколько онъ былъ сильнѣе, какъ ораторъ и общественный дѣятель, чѣмъ какъ ученый и редакторъ. Первые томы этого Словаря, имъ редактированные, поражаютъ небрежною стилистикою и грубыми промахами, въ значительной степени дискредитировавшими этотъ Словарь въ началѣ его появленія. Нѣкоторые изъ этихъ промаховъ стали даже притчею во языцѣхъ, какъ на примѣръ пресловутые 32 баталіона фельдъегерей, фигурирующіе въ составѣ австро-венгерскихъ вооруженныхъ силъ.

Но забудемъ объ этомъ. Ивана Ефимовича есть за что помянуть добромъ. Его сердечная доброта, его отзывчивость, его гуманность, его готовность придти на помощь кому только можно, его изумительная работоспособность, его краснорѣчіе, возбуждавшее въ другихъ добрыя чувства, его любовное отношеніе ко всѣмъ общественнымъ вопросамъ, въ основѣ которыхъ лежали гуманныя или разумно-прогрессивныя стремленія, его служеніе обществу часто до забвенія собственной личности, — всего этого было столько у Андреевскаго, что хватило бы, чтобы помянуть добромъ десятокъ другихъ дѣятелей. Но я тутъ не пишу біографію этого замѣчательнаго человѣка, а отмѣчаю только нѣкоторые факты, извѣстные мнѣ изъ личныхъ встрѣчъ съ нимъ. Расскажу съ его словъ о слѣдующемъ интересномъ инцидентѣ, такъ какъ опасаясь, что никто его не записалъ.

Въ свое время въ Петербургѣ успѣшно дѣйствовалъ извѣстный практикъ-цивилистъ, С., Андреевскій обратилъ на него вниманіе еще въ университетѣ. Онъ ему сразу своими способностями полюбился, хотя былъ далеко не симпатичный еврей. Плѣняясь его выдающимися способностями, Андреевскій всячески уговаривалъ его остаться при университетѣ. На всѣ уговоры Андреевскаго С. отвѣчалъ однимъ только вопросомъ: „А сколько мнѣ университетъ дастъ, если я останусь?“ Андреевскій объяснилъ ему, что средства университета ограничены, и что магистрантамъ выдаютъ только 50 рублей въ мѣсяцъ. С. поморщился и сказалъ, что подумаетъ.

Спустя нѣкоторое время Андреевскій встрѣчаетъ его въ какомъ-то собраніи, но отъ прежняго С. почти и слѣда не осталось: грязный еврей исчезъ, и передъ Андреевскимъ стоялъ расфранченный молодой человѣкъ, уже свысока подавшій Андреевскому руку. Тотъ такъ смутился при видѣ этой метаморфозы, что только когда собраніе кончилось, улучилъ моментъ и спросилъ С. объ его рѣшеніи, т. е. не надумалъ ли онъ остаться при университетѣ? С. опять спросилъ: „А сколько дадите?“ Андреевскій же, опять извиняясь,

сказалъ, что университетъ больше 50 р. въ мѣсяцъ дать не можетъ. „Мало,—замѣтилъ С.—Зарабатываю 300“.

Проходитъ опять нѣкоторое время, на этотъ разъ года два-три. Андреевскому пришлось быть на Невскомъ и переходить поздною осенью черезъ улицу. Стояла грязь, и все вниманіе почтеннаго профессора было направлено на то, какъ бы избѣжать экипажей и не слишкомъ загрязниться. Но все-таки одного экипажа не удалось избѣжать: это была шикарная коляска, запряженная парю прекрасныхъ вороныхъ рысаковъ. Андреевскій еле успѣлъ отскочить и, стоя въ сторонкѣ, увидѣлъ въ коляскѣ... кого же? С—го. Тотъ, замѣтивъ его, любезно раскланялся. Андреевскій крикнулъ: „Не останетесь ли при университетѣ?“—„Сколько дадите?“—„50 рублей“.—„Мало. Зарабатываю 1.500“.

И коляска пронеслась мимо.

Печально-насмѣшливая улыбка, которою Иванъ Ефимовичъ сопровождалъ этотъ разговоръ, показывала, какъ глубоко онъ сожалѣетъ, что можетъ быть самые способные люди бѣгутъ отъ науки, страшась нужды, на которую она обрекаетъ въ Россіи своихъ жрецовъ. Дѣйствительно, помню, уже въ мое время эти 50 рублей, которые выдавались молодымъ ученымъ для дальнѣйшаго усовершенствованія, казались очень мизерными и могли прокормить развѣ холостого человѣка. Я самъ могъ остаться при университетѣ только потому, что тогда располагалъ нѣкоторыми средствами, и вынужденъ былъ бы отказаться отъ науки, если бы мнѣ пришлось жить на 50 р. Вѣдь не слѣдуетъ забывать, что если человѣкъ готовъ для науки подвергнуть себя лично всевозможнымъ лишеніямъ, то онъ, будучи честнымъ человѣкомъ, не можетъ подвергать тому же близкихъ людей, на примѣръ, родителей, которые долгіе годы уже отказывали себѣ во всемъ, чтобы дать своимъ дѣтямъ гимназическое и университетское образованіе. Можетъ быть, теперь, когда мы дожили до сильнаго перепроизводства университетскихъ, находятся больше лицъ, готовыхъ получать эти 50 рублей, но и теперь ихъ врядъ ли къ этому побуждаетъ любовь къ наукѣ, а скорѣе необходимость зарабатывать хотя бы и только скудные средства, чтобы не умереть съ голоду, и остаются при университетѣ далеко не самые способные—тѣ найдутъ себѣ хлѣбъ и помимо университета.

Какъ бы то ни было, Андреевскій скорбѣлъ душой, что университетъ не располагаетъ достаточными средствами, чтобы удерживать способныхъ своихъ воспитанниковъ для служенія наукѣ. Но онъ не столько любилъ науку, сколько Россію: онъ, какъ просвѣщенный человѣкъ, зналъ, что не можетъ процвѣтать страна, въ которой не процвѣтаетъ наука, и потому старался привлекать къ

ней способныхъ людей. Патріотизмъ, понятво, не квасной, а просвѣщенный (Иванъ Ефимовичъ былъ европеецъ въ лучшемъ значеніи слова) лежалъ въ основѣ его дѣятельности, и въ немъ соединялось все, что уполномочиваетъ человѣка посвятить себя общественному служенію. Поэтому, когда я теперь вспоминаю о немъ, я невольно сожалею, что онъ родился такъ рано, что умеръ уже 20 лѣтъ тому назадъ. Если бы онъ жилъ въ наши дни, если бы расцвѣтъ его силъ совпалъ съ нарожденіемъ русскаго парламента, то каждая его рѣчь въ немъ вознаградила бы насъ за десятки ненужныхъ, бездарныхъ или глухихъ рѣчей, которыя приходится теперь выслушивать и Думѣ, и Россіи.

П. Г. Рѣдкинъ.

Вотъ ужъ кто никогда не былъ бы парламентскимъ дѣятелемъ, это—незабвенный Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ. Если Иванъ Ефимовичъ весь уходилъ въ общественное служеніе, то Петръ Григорьевичъ весь уходилъ въ науку. И Рѣдкинъ былъ преданнымъ сыномъ родины, но онъ не хотѣлъ ей служить иначе, какъ на почвѣ науки. Если онъ поступилъ на службу, если онъ былъ чиновникомъ, то противъ воли, именно только потому, что онъ слишкомъ любилъ науку. Его хотѣли заставить преподавать не такъ, какъ ему приказывала совѣсть, и онъ, любившій кафедру пламенно, отрекся отъ нея на цѣлыя пятнадцать лѣтъ, пока не настало время, когда онъ могъ преподавать, оставаясь честнымъ человѣкомъ. Рѣдкинъ былъ, въ отличіе отъ Андреевскаго, истиннымъ ученымъ, хотя и у него, быть можетъ, на первомъ планѣ стояла не наука, а потребность служить родинѣ подготовкою хорошихъ юристовъ, проникнутыхъ сознаниемъ правды и справедливости или, какъ онъ выражался, правосознаниемъ. Но онъ думалъ, что руководить молодежью и пользоваться ея довѣріемъ долженъ только профессоръ, который самъ глубоко изучилъ науку. Поэтому онъ былъ неутомимымъ работникомъ, а такъ какъ онъ неустанно работалъ всю жизнь надъ наукой и, кромѣ того, отличался выдающимися способностями, то можно себя представить, чѣмъ мы, зеленая молодежь, себя чувствовали передъ нимъ. Пигмеями передъ великаномъ!

Андреевскій преподавалъ. Онъ краснорѣчиво обучалъ насъ наукѣ, понимая подъ нею запасъ приложимыхъ къ жизни знаній, подведенныхъ подъ извѣстную систему. Андреевскій съ своимъ темпераментомъ общественнаго дѣятеля былъ такъ близокъ къ жизни съ ея непосредственными требованіями, что и на науку смотрѣлъ съ этой точки зрѣнія. Если ему вопросъ о выгребной ямѣ и не казался

важнѣе философіи Платона, то они въ его представленіи занимали одинаково важное мѣсто. Какую пользу принесетъ родинѣ философія Платона — можетъ быть, ему еще казалось сомнительнымъ, но что устраненіе вреда отъ небрежнаго содержанія выгребныхъ ямъ спасетъ здоровье и даже жизнь многихъ людей, онъ твердо зналъ. Поэтому и наука, изучающая вопросы этого рода, казалась ему очень важной, и онъ преподавалъ ее съ увлеченіемъ, стараясь включить въ нее всѣ свѣдѣнія, которыя могли помочь людямъ лучше устроиться въ жизни.

Рѣдкинъ не преподавалъ, не сообщалъ знаній — онъ воспитывалъ, онъ училъ, какъ надо работать. Возьметъ какого-нибудь древне-греческаго философа и начнетъ его изучать до мелочей, останавливаясь чуть ли не на каждомъ его словѣ, стараясь уяснить себѣ самому и намъ истинный смыслъ его ученія, точно воспроизвести его міросозерцаніе, чтобы имѣть право потомъ подвергнуть его оцѣнкѣ, опредѣлить его мѣсто среди другихъ философовъ. Мало ли что можно съ чужихъ словъ приписать мыслителю или писателю! Нѣтъ, надо самостоятельно его изучить, ибо какъ же мы будемъ изучать право, т. е. воплощеніе правды и справедливости, если мы будемъ сами несправедливы къ нашимъ учителямъ, къ тѣмъ, кому мы обязаны сознаниемъ, что правда и справедливость высшее, къ чему долженъ стремиться человѣкъ? Начнемъ же съ признанія за каждымъ мыслителемъ или писателемъ, какъ бы его взгляды ни расходились съ нашими, права на безпристрастное къ себѣ отношеніе, на то, чтобы его мысль не подвергалась никакимъ искаженіямъ. И Рѣдкинъ начиналъ разбирать какого-нибудь Фалеса или Эмпедокла необычайно тщательно, со всей эрудиціей выдающагося ученаго. Это происходитъ зимою въ девять часовъ утра. На дворѣ еще стоитъ полумракъ, кафедра профессора и его сѣдая стриженная голова тускло освѣщаются двумя свѣчами, онъ самъ считываетъ лекцію съ своихъ неизмѣнныхъ записокъ, потому что никакимъ краснорѣчіемъ не обладаетъ, но голосъ его звучитъ вдохновенно, вся аудиторія, самая большая въ университетѣ, не смотря на ранній часъ, биткомъ набита, всѣ слушаютъ, затаивъ дыханіе, потому что и надъ профессоромъ, и надъ нами рѣветъ что-то высокое и благородное, мы сами въ сущности не знаемъ что, но чувствуемъ, что старый профессоръ насъ, маленькихъ людей, поднимаетъ и приводитъ туда, гдѣ человѣкомъ овладѣваетъ священный трепетъ приближенія къ истинѣ, къ ея воплощенію въ человѣческихъ отношеніяхъ, къ правдѣ и справедливости...

Какъ далеки мы были, повидимому, въ эти минуты отъ всякихъ практическихъ знаній, даже казалось, отъ самой жизни, и какъ въ

сущности мы были близки къ ней. Тамъ у Андреевскаго и другихъ профессоровъ, мы занимались тѣмъ, что, казалось, имѣетъ самое непосредственное отношеніе къ жизни: насъ учили и какіе бываютъ налоги, прямые и косвенные, и какія преступленія люди совершаютъ, и какъ ихъ наказываютъ, и какіе бываютъ виды имущества, или какъ оно наследуется, и какія мѣры принимаетъ государство для обезпеченія безопасности или для доставленія народу благосостоянія... Чему насъ только не учили! Кажется, вотъ пусти насъ въ жизнь—и болѣе знающихъ администраторовъ, дипломатовъ, финансистовъ, судей, адвокатовъ, прокуроровъ не найти! Насъ учили всему, что нужно для исполненія обязанностей всѣхъ этихъ профессій, а каждая изъ нихъ предполагаетъ массу знаній. Понятно, что это море знаній умѣщалось въ нашихъ бѣдныхъ головахъ только на время экзаменовъ, да и то съ грѣхомъ пополамъ, но тотчасъ же послѣ экзаменовъ улетучивалось, по большей части оставляя послѣ себя только какой-то мутный осадокъ ничѣмъ не связанныхъ цифръ, фактовъ, идей и опредѣленій.

Рѣдкинъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ изучалъ съ нами, напримеръ, философію Пифагора и пифагорейцевъ, и, странное дѣло, намъ всѣ практическія знанія, сообщаемыя другими профессорами, казались чѣмъ-то суетнымъ, ненужнымъ, а философскія системы Пифагора и пифагорейцевъ чѣмъ-то безконечно важнымъ и нужнымъ. Это шло въ разрѣзъ съ тогдашнимъ утилитарнымъ настроеніемъ русскаго общества, со взглядами родителей, большинство которыхъ смотрѣли на науку, какъ на дойную корову, какъ на средство обезпеченія за ихъ чадами тепленькихъ мѣстечекъ, шло, наконецъ, въ разрѣзъ и съ настроеніемъ самой молодежи, увлекавшейся въ 60-е годы матеріалистическими воззрѣніями, и тѣмъ не менѣе это было такъ. Можетъ быть, не всѣ слушатели отдавали себѣ отчетъ, въ чемъ собственно дѣло (я думаю даже, что такихъ слушателей было мало), но никто не сомнѣвался, что слушать Рѣдкина необходимо (объ этомъ свидѣтельствовала всегда переполненная его аудиторія), что быть въ университетѣ и не слушать Рѣдкина невысказано, потому что если не слушать такого профессора, то кого же и слушать? Это было общераспространенное—не скажу—миѣніе, а чувство.

Но уже въ мое время были студенты, которые, правда, еще только смутно, сознавали, что задача университета—не сообщеніе знаній, пригодныхъ для жизни, и не выдача соотвѣтственнаго диплома, а нѣчто другое, чему именно удовлетворяли лекціи Рѣдкина. Они понимали, что важно знать, какъ должна быть устроена выгребная яма, но что большинство лицъ, отъ которыхъ зависитъ то

или другое устройство выгребныхъ ямъ, прекрасно знаетъ, какъ онѣ должны быть устроены, чтобы не вредить здоровью и не угрожать жизни людей, и тѣмъ не менѣе онѣ почти вездѣ устраиваются именно такимъ антисанитарнымъ способомъ. Почему? Потому что рациональное ихъ устройство сопряжено съ лишними расходами, а большинство людей избѣгаютъ лишнихъ расходовъ, а тѣ, кому порученъ надзоръ за выгребными ямами—люди либо небрежные, либо лицепріятные, либо наконецъ склонные къ взяточничеству. Такимъ образомъ вопросъ усложнялся. Надо знать не только, какимъ санитарнымъ условіямъ должна удовлетворять выгребная яма, но и какія надо принять мѣры, чтобы справиться съ небрежностью, лицепріятіемъ и лихоимствомъ администраціи. Но и этого мало: какъ бы хороша, какъ бы безупречна ни была администрація, если большинство гражданъ корыстолюбивы и не сознаютъ общественнаго своего долга, то и самая совершенная администрація врядъ ли дѣлу поможетъ. Слѣдовательно, дѣло не въ одномъ знаніи, какимъ санитарнымъ условіямъ должна удовлетворять выгребная яма, и не въ одной администраціи. Надо еще, чтобы каждый гражданинъ сознавалъ свой общественный долгъ, а для этого надо передѣлать администрацію, надо передѣлать гражданъ. Скоро ли подобная грандіозная задача достижима? А выгребныя ямы должны быть немедленно приведены въ такое состояніе, чтобы не вредить здоровью и не угрожать жизни гражданъ. Какъ же за это приняться? Одиными законодательными или административными мѣрами тутъ не поможешь. Надо, чтобы каждый изъ насъ, въ какомъ бы положеніи онъ ни находился, отдавалъ себѣ отчетъ, что онъ въ частности можетъ сдѣлать для устраненія опасности, угрожающей здоровью и жизни согражданъ, въ данномъ народѣ и въ данное время. Словомъ, простой на видъ вопросъ при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывался чрезвычайно сложнымъ и труднымъ.

Андреевскій насъ просто училъ, что для исправнаго состоянія выгребныхъ ямъ администрація должна дѣлать то-то и то-то. Рѣдкинъ насъ училъ, какъ надо работать въ политическихъ, общественныхъ и юридическихъ вопросахъ, чтобы ихъ себѣ уяснить во всѣхъ ихъ сложныхъ деталяхъ. Это была выправка ума, опирающаяся на идею правды и справедливости. То, что намъ давалъ Рѣдкинъ, требовалось для рѣшенія всѣхъ общественныхъ, политическихъ и юридическихъ вопросовъ, въ какое бы положеніе насъ ни поставила жизнь. Мы легко могли забыть то, что намъ преподавалъ Андреевскій, но то, что намъ не преподавалъ, а давалъ Рѣдкинъ, мы не могли никогда забыть, потому что это превращалось въ нашу плоть и кровь, дѣлалось привычкой и умѣніемъ пра-

вильно рѣшать все многообразіе жизненныхъ вопросовъ на почвѣ не отвлеченной справедливости, а той справедливости, которая вытекаетъ изъ внимательнаго изученія и теоріи окружающихъ условій. Если великіе мыслители были въ то же время и великими учителями, то Рѣдкинъ, введившій насъ въ ихъ храмъ, былъ вдохновеннымъ посредникомъ между нами и ими, и если разумная и плодотворная практика заключается въ томъ, чтобы умѣть осуществить вѣрную идею наиболѣе правильнымъ путемъ въ самой жизни, то истиннымъ учителемъ жизни былъ опять-таки Рѣдкинъ. Когда мы слушали его лекціи, мы чувствовали, что приобрѣтаемъ нѣчто безконечно цѣнное для жизни вообще, а не для той или другой спеціальной ея сферы, что это намъ нужно будетъ и какъ будущимъ отцамъ семейства, и какъ будущимъ воспитателямъ нашихъ дѣтей, и какъ членамъ общества, и какъ служителямъ государства. Мы не спрашивали себя, либерально или консервативно то, что говорилъ профессоръ, намъ даже этотъ вопросъ не могъ придти на умъ, какъ не могло намъ придти на умъ спросить, либерально или консервативно здоровье и все, что къ нему приводитъ. Мы чувствовали, что преподаваніе Рѣдкина приводитъ нашъ умъ къ здоровью. Революціонеръ и бѣлоподкладочникъ одинаково внимали старому профессору, сознавая, что то, что онъ преподаетъ, не умѣщается ни въ рамки политики, ни въ рамки социологіи, ни въ рамки, созданныя общественными или политическими предразсудками и разными модными теченіями, что это выше семьи, общества, государства. Мы чувствовали, чѣмъ можетъ и должно быть университетское преподаваніе, охватывающее всю жизнь со всѣми теоріями, ею созданными, и освѣщающее все: и природу, и людей, и ихъ общества, въ томъ числѣ и государство, свѣтомъ, почерпнутымъ изъ всѣхъ доступныхъ человѣку источниковъ, мы входили дѣйствительно въ храмъ науки и понимали, что онъ долженъ быть намъ священнымъ, потому что онъ одинъ въ житейской сутолокѣ борющихся личныхъ, общественныхъ и политическихъ интересовъ созданъ и живетъ для раскрытія истины, насколько она доступна человѣку.

Съ тѣхъ поръ, какъ я слушалъ вдохновенный голосъ Рѣдкина, прошло почти полъ-вѣка, но то, о чемъ онъ мечталъ, все еще не осуществилось. Увы, мы, можетъ быть, теперь даже дальше отъ этого, чѣмъ были въ его дни! Все еще прочно держится взглядъ, будто бы назначеніе университета состоитъ въ томъ, чтобы дать воспитанникамъ знанія, непосредственно приложимыя къ дѣлу, а не любовь къ призванію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и желаніе учиться всю жизнь; все еще на университетъ смотрятъ какъ на орудіе поли-

тики, консервативной, либеральной или радикальной, а не какъ на установленіе, преслѣдующее задачи, далеко выходящія за предѣлы государственнаго вѣдѣнія, изучающее человѣка въ его отношеніи къ другимъ людямъ, къ природѣ, къ Богу, охватывающее прошлое, настоящее, будущее человѣчества и черпающее свое настроеніе и свои руководящія начала тамъ, гдѣ нѣтъ ни начала, ни конца, гдѣ человѣческій духъ приближается къ сознанію истины, предъ которою, какъ передъ Богомъ, всякая экономическая, соціальная и политическая борьба исчезаетъ, таетъ, какъ воскъ передъ лицомъ солнца. Рѣдкинъ убѣждалъ насъ, что такое отношеніе къ наукѣ возможно, что это не утопія, а дѣйствительность, которую мы сами устраняемъ, внося въ храмъ науки то, чего въ немъ не должно быть—не служеніе истинѣ, не желаніе отрѣшиться отъ всего, что можетъ затемнить наше сужденіе, а борьбу, страсть, все то, что дѣлаетъ человѣка неспособнымъ къ объективному анализу, безъ котораго наука немислима. Рѣдкинъ былъ единственнымъ нашимъ профессоромъ, который держался совершенно съ сторонѣ отъ политической борьбы и въ то же время пользовался авторитетомъ и довѣріемъ въ политическихъ вопросахъ, потому что никто изъ насъ ни на минуту не сомнѣвался, что онъ въ своей дѣятельности руководствуется исключительно желаніемъ служить истинѣ и ставить ее выше всего не только на словахъ, какъ другіе профессора, но и на дѣлѣ, т. е. съ готовностью пожертвовать для нея всѣмъ.

Мы звали, что Рѣдкинъ пострадалъ за науку, что онъ отказался отъ катедры, когда не могъ преподавать такъ, какъ хотѣлъ. При насъ онъ срѣзалъ племянника очень вліятельнаго министра и непосредственнаго своего начальника по службѣ, хотя тотъ недвусмысленно его попросилъ быть снисходительнымъ къ его родственнику. Это были факты, и въ то же время Рѣдкинъ никогда не либеральничалъ такъ, какъ либеральничали другіе профессора изъ первоклассныхъ тогда университетскихъ свѣтилъ, т. е. скверно, при помощи неясныхъ намековъ, анекдотовъ, аллегорій или скрытыхъ сопоставленій. Рѣдкину, его честной хохлацкой натурѣ, такой эзоповскій рабій языкъ былъ глубоко противенъ, да онъ считалъ его недостойнымъ званія профессора и не нуждался въ немъ, потому что преслѣдовалъ цѣли не политическія, а научныя и никогда не унижилъ бы себя, какъ другіе профессора, до заигрыванія съ молодежью, до исканія у нея дешевой популярности. Но тамъ, гдѣ это нужно было, онъ вступался за науку честно и открыто, чего бы это ему ни стоило. Онъ тутъ не допускалъ никакихъ компромиссовъ или послабленій. Въ стѣнахъ университета онъ даже не давалъ воли своимъ безобиднымъ симпатіямъ.

Помню я экзаменъ у него. Хотя онъ былъ крѣпышъ, но все-таки, экзаменуя съ утра до поздняго вечера, при далеко немолодыхъ своихъ годахъ, утомлялся: тяжело было старику, но онъ продолжалъ экзаменовать, чтобы не заставлялъ студентовъ томиться нѣсколько дней. Уже поздно вечеромъ къ экзаменаціонному столу подходитъ студентъ-хохолъ. Начинаетъ онъ нехорошо, именно съ заявленія, что онъ двухъ послѣднихъ билетовъ не знаетъ. По лицу Рѣдкина пробѣгаетъ тѣнь. Онъ однако не отказываетъ земляку.

— А остальные билеты знаете?—спрашиваетъ онъ мрачно.

— Знаю,—отвѣчаетъ студентъ не менѣе мрачно.

— Возьмите билетъ,—приглашаетъ его Рѣдкинъ.

Хохолъ вынимаетъ билетъ и тотчасъ же отвѣчаетъ на него прекрасно,—такъ, какъ любилъ Рѣдкинъ, отчетливо, кратко, безъ лишнихъ словъ. Нельзя было сомнѣваться, что студентъ много занимался предметомъ и занимался имъ любовно. Когда онъ кончилъ, Рѣдкинъ самъ вынимаетъ ему еще билетъ. Студентъ отвѣчаетъ и на него прекрасно при общемъ молчаливомъ одобреніи аудиторіи. Дѣло кончается тѣмъ, что Рѣдкинъ ставитъ ему пятерку, но освѣдомляется, почему онъ не дочиталъ послѣднихъ билетовъ.

— То не успѣлъ: голова заболитъ.

— Хорошо, ступайте.

Уже совсѣмъ ночью, часовъ въ одиннадцать, выходитъ студентъ, тоже не знавшій нѣсколькихъ билетовъ и думавшій воспользоваться послабленіемъ, которое профессоръ оказалъ своему земляку.

— Какіе же билеты вы не знаете?—спросилъ Рѣдкинъ.

Студентъ назвалъ ему два билета, самые трудные во всемъ курсѣ.

— Хорошо,—лаконически отозвался Рѣдкинъ.

Студентъ взялъ билетъ и началъ на него отвѣчать такъ, какъ отвѣчаютъ студенты, которые механически вы зубрили курсъ и минутно упускаютъ изъ виду преемственную и логическую связь между разными философскими ученіями, чѣмъ преимущественно и дорожилъ профессоръ. Когда студентъ кончилъ, Рѣдкинъ попросилъ его взять второй билетъ, далъ ему отвѣтить, но потомъ сталъ ему предлагать безконечные вопросы. Для насъ уже давно выяснилось, что экзаменующійся плохо знаетъ предметъ, но профессоръ все продолжалъ экзаменовать, несмотря на очевидное крайнее утомленіе. Что-то мѣшало ему кончить экзаменъ, и мы всѣ прекрасно знали что. Онъ проявилъ нѣкоторую слабость по отношенію къ земляку, позволивъ ему держать экзаменъ и даже поставивъ ему высшую отмѣтку, несмотря на то, что тотъ всего курса не прошелъ, и теперь опасался, какъ бы его не заподозрили въ неспра-

ведливости. Но, наконецъ, повидимому, Рѣдкинъ убѣдился, что во всей аудиторіи не можетъ найтись человѣка, который былъ бы иного мнѣнія, чѣмъ самъ профессоръ, поставилъ студенту неудовлетворительную отмѣтку и, заявивъ, что на сегодня вслѣдствіе поздняго часа, довольно, всталъ и ушелъ.

Студенты не вскочили, какъ обыкновенно, по окончаніи экзамена со своихъ мѣстъ, чтобы, громко разговаривая, гурьбою выбѣжать въ коридоръ, а какъ-то нехотя встали, словно что-то недодѣлано. Врядъ-ли всѣ отдавали себѣ точный отчетъ, въ чемъ собственно дѣло, и только экзаменовавшійся студентъ поставилъ точку надъ і, сказавъ:

— Да я же не виноватъ, господа! Почему я зналъ, что онъ будетъ такъ долго экзаменоваться?

Никто, сколько помню, студенту не отвѣтилъ. Всѣ чувствовали, что онъ несетъ должное наказаніе за уловку, можетъ быть умѣстную по отношенію къ другимъ профессорамъ, но никакъ не по отношенію къ Рѣдкину, въ чувствѣ справедливости котораго никто не сомнѣвался, и заслуги и лѣта котораго должны были заставить студента не умолять его напрасно, а заявить, что онъ самъ убѣдился въ своей неподготовленности.

Таковы были чувства студенчества по отношенію къ Рѣдкину.

Не могу здѣсь не рассказать, какъ я расстался съ Петербургскимъ университетомъ, такъ какъ въ этомъ прощаньи Рѣдкину принадлежитъ видная роль.

Сдавъ магистерскій экзаменъ изъ полицейскаго права и политической экономіи, я принялся за диссертацию. Темою я избралъ вопросъ, который мнѣ казался очень важнымъ съ точки зрѣнія народнаго благополучія, именно вопросъ объ отношеніи государства къ женскому образованію. Я представилъ въ факультетъ изслѣдованіе, въ которомъ далъ очеркъ философіи исторіи этого вопроса, а затѣмъ на основаніи тогдашняго положенія законодательства въ цивилизованныхъ странахъ старался выяснить, что мы идемъ къ предоставленію женщинѣ свободы въ выборѣ профессіи, къ уравненію женскаго образованія съ мужскимъ и къ совмѣстному обученію лицъ обоего пола какъ въ народныхъ школахъ, такъ со временемъ въ гимназіяхъ и университетахъ.

Диссертация моя удостоилась лестныхъ отзывовъ со стороны нѣкоторыхъ профессоровъ, но, кажется, всѣ единодушно рѣшили, что, защитивъ ее, я стану человѣкомъ невозможнымъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, другими словами, закрою себѣ доступъ къ университетской кафедрѣ. Кромѣ того, большинство рѣшило, что имъ неудобно пропускать моей диссертациі, потому что

это значило до нѣкоторой степени признать себя солидарными со взглядами, черезъ-чуръ уже прогрессивными. Это послѣднее соображеніе не дѣлаетъ чести гражданскому мужеству профессоровъ, но всякому своя рубашка ближе къ тѣлу, а что касается перваго соображенія, то оно мнѣ теперь представляется безусловно вѣрнымъ, хотя я и проводилъ въ своей диссертациі сорокъ лѣтъ тому назадъ взгляды, которые теперь уже въ значительной степени осуществлены самимъ правительствомъ. Но тогда я этого не понималъ и, сказавъ себѣ, что въ университетѣ наука несвободна, рѣшилъ разстаться съ нимъ и избрать другую дѣятельность.

Да, съ тѣхъ поръ прошло сорокъ лѣтъ, и я понималъ многое, чего тогда не понималъ. Я понималъ, что свобода мысли—идеаль, къ которому, какъ ко всякому идеалу, можно только приблизиться, я понималъ, что ее часто столько же стѣсняетъ правительство, сколько и общество (можетъ быть, второе больше перваго), что уступки въ жизни необходимы даже съ точки зрѣнія торжества идеаловъ, которые намъ дороги, что общіе идеалы бессильны, когда мы не умѣемъ придать имъ форму, доступную данному времени и данному мѣсту. Я понималъ все это цѣною многихъ жертвъ, многихъ страданій, но тогда никто мнѣ на все это не указалъ. Одни пожимали плечами надъ моею напвностью, другіе сожалѣли меня, третьи сочувствовали и старались придти мнѣ на помощь пріисканіемъ мнѣ хлѣбныхъ занятій до составленія другой диссертациі. Я убѣдился въ участливости и добротѣ профессоровъ, но основной вопросъ остался невыясненнымъ: я не зналъ, правъ ли я или неправъ, принялъ ли я вѣрное или ложное рѣшеніе. Напротивъ, я все болѣе убѣждался, что, разставаясь съ университетомъ, я дѣлаю то, что велитъ совѣсть, т. е. поступаю честно.

Въ такомъ настроеніи я зашелъ къ Рѣдкину, избранному тогда ректоромъ и жившему въ ректорскомъ домикѣ возлѣ университетскаго зданія. Онъ меня встрѣтилъ словами:

— Ахъ, зачѣмъ вы не написали диссертациі о пожарныхъ инструментахъ!

Въ этомъ возгласѣ было столько горькой ироніи, но въ то же время и добраго чувства ко мнѣ, что я невольно улыбнулся.

— Развѣ пожарные инструменты—тема, болѣе подходящая, чѣмъ женское образованіе?—спросилъ я.

— Для полицейскаго права—пожалуй,—улыбнулся мнѣ въ отвѣтъ Рѣдкинъ и началъ меня убѣждать не смущаться постигшей меня неудачей. Онъ говорилъ долго и убѣдительно и говорилъ именно о томъ, о чемъ нужно было говорить. Онъ не выражалъ ни жалости, ни состраданія, ни готовности придти къ намъ на по-

мощь. Онъ сразу понялъ, что боль, которую я испытываю,—не моя личная боль, а боль, такъ-сказать общественная, что мнѣ обидно не столько за себя, сколько за страну, въ которой живу, за университетъ, въ которомъ воспитывался, за профессоровъ, отнесшихся именно такъ къ моей диссертаци. Онъ старался меня убѣдить, что чѣмъ ниже умственный и нравственный уровень общества, тѣмъ осторожнѣе и осмотрительнѣе должны дѣйствовать тѣ, кто чувствуетъ себя призваннымъ вносить въ него лучъ свѣта. Словомъ, онъ старался сохранить во мнѣ вѣру въ возможность успѣшно дѣйствовать на пользу высшихъ человѣческихъ благъ, оставаясь въ университетской средѣ.

Мъ ему тогда не повѣрилъ. Я даже не подумалъ о томъ, что онъ, какъ профессоръ, самъ представляетъ убѣдительнѣйшее доказательство вѣрности своихъ словъ. Я подчинился исключительно оскорбленному чувству, а не разуму и навсегда разстался съ университетомъ. Что я такъ поступилъ, мнѣ не жаль, потому что я нашелъ себѣ другую, болѣе подходящую кафедру. Но свою вину передъ Рѣдкинымъ я теперь сознаю: я ему единственный разъ въ жизни не повѣрилъ. Прости, незабвенный учитель!

И. Я. Горловъ.

Вспоминая моихъ университетскихъ профессоровъ, я всегда съ пріятнымъ чувствомъ останавливаюсь на профессорѣ Горловѣ, который намъ читалъ политическую экономію по составленному имъ учебнику. Ораторъ былъ онъ болѣе чѣмъ посредственный, ученый тоже лишь настолько, насколько можно признать ученымъ болѣе или менѣе зауряднаго русскаго профессора. Но въ немъ было много для меня симпатичнаго: въ немъ соединялась большая доброта, заставлявшая его приходить на помощь нашему брату—студенту, съ большою добросовѣстностью, побуждавшею его относиться серьезно къ наукѣ. Но это серьезное къ ней отношеніе было особаго рода, и оно-то побуждаетъ меня посвятить нѣсколько строкъ почтенному Ивану Яковлевичу, какъ типичному представителю цѣлой полосы русской университетской науки.

Если въ Россіи возможны Рѣдкины или Андреевскіе, то общимъ правиломъ у насъ должны были бы быть Горловы, и это было бы въ сущности не такъ ужъ плохо, потому что въ нихъ было много хорошаго. Салтыковъ ихъ конечно бы осмѣялъ, прошелся бы по ихъ поводу насчетъ „аккуратности и умѣренности“, но я въ данномъ случаѣ не могу послѣдовать его примѣру, потому что акку-

ратность да и умѣренность въ русскомъ человѣкѣ, столь склонномъ къ халатности въ дѣлахъ и неумѣренности въ дурныхъ наклонностяхъ и привычкахъ, вовсе уже не такой крупный недостатокъ, чтобы заслуживать сатирическаго бича.

Иванъ Яковлевичъ входилъ въ аудиторію ровно 5 минутъ послѣ звонка, степенно занималъ свое привычное мѣсто на каѳедрѣ, методически откашливался, затѣмъ вынималъ часы, клалъ ихъ передъ собою на каѳедру и начиналъ читать лекцію пріятнымъ, слегка надтреснутымъ баскомъ. Его густая шевелюра и широкія бакенбарды съ просѣдью были тщательно причесаны, такъ что ни одинъ волосокъ не отдѣлялся отъ другого, подбородокъ пробритъ отчетливо, ясною дорожкой, его глаза смотрѣли на насъ внушительно, такъ что не могло быть и тѣни сомнѣнія, что онъ очень серьезно относится къ своему дѣлу, рѣчь его лилась не то, чтобы очень плавно, но все-таки безъ всякихъ ощутительныхъ задержекъ или толчковъ, и мы слушали профессора далеко не съ напряженнымъ вниманіемъ, но съ интересомъ, который вызывается сознаніемъ, что мы, слушая лекцію, дѣлаемъ дѣло, во всякомъ случаѣ не пустое.

Я между прочимъ отмѣтилъ, что Горловъ во время лекцій всегда клалъ передъ собою часы. Извѣстный издатель „Голоса“, Краевскій, тоже, принимая посѣтителя, демонстративно клалъ передъ собою часы, заявляя, что у него только пять минутъ свободныхъ. Оба они были чиновники—одинъ изъ газетнаго дѣла, другой—отъ науки; но у Краевского это была политика, а у Горлова политики никакой не было, да я думаю, онъ вообще былъ на нее не способенъ. Аккуратность была такъ-сказать врожденнымъ его качествомъ, а какая можетъ быть аккуратность безъ часовъ? Культурный человѣкъ всегда аккуратенъ, ибо, если степень культуры, какъ говорятъ, опредѣляется количествомъ потребляемаго даннымъ народомъ мыла, то подавно она опредѣляется количествомъ часовъ, имъ покупаемыхъ. „Время—деньги“. Всѣ любятъ подсчитывать свои деньги, но только культурные люди любятъ такъ же бережно относиться къ счету времени, т. е. дѣйствительно понимаютъ глубокое значеніе англійской поговорки. Горловъ несомнѣнно обладалъ тѣми качествами, которыя позволяютъ называть человѣка культурнымъ. Онъ велъ точный счетъ времени, распредѣлялъ свои занятія по часамъ дня, прекрасно владѣлъ собой, умѣлъ выслушивать другихъ, уважая чужія убѣжденія, никогда не былъ рѣзокъ въ спорахъ, былъ очень опрятенъ, столько же въ мысляхъ, сколько въ своей внѣшности, очень добросовѣстно исполнялъ всѣ свои обязанности, и если все это далеко не исчерпываетъ культуры, то съ

другой стороны нельзя не признать, что безъ этого культура немислима. Много требовалось ума, напряженія, жертвъ, чтобы распространить и упрочить эти качества въ русскихъ образованныхъ классахъ, и нельзя отрицать, что наша бюрократія, штатская, военная и духовная, представляетъ тотъ классъ, въ которомъ эти качества наиболѣе распространены. Если бюрократія не пользуется популярностью среди извѣстной части нашего общества, то это ни въ какомъ случаѣ не можетъ послужить основаніемъ для пренебрежительнаго, а тѣмъ болѣе для презрительнаго отношенія къ вышеупомянутымъ качествамъ. Можно только удивляться Щедрину, что его нерасположеніе къ чиновничеству увлекло его до осмѣянія этихъ качествъ, которыхъ такъ сильно недостаетъ именно той части русскаго общества, которая, можетъ быть, мнитъ себя лучше и выше остальныхъ.

Горловъ былъ типичнымъ представителемъ русской бюрократіи въ ученой средѣ. Онъ высоко ставилъ русское государственное начало, науку, званіе профессора, былъ проникнутъ ихъ значеніемъ, и всякія сомнѣнія тутъ ему были совершенно чужды. Такъ-называемые проклятые вопросы его не занимали: онъ, кажется, на нихъ не останавливался, считалъ ихъ чѣмъ-то въ родѣ бредней, недостойныхъ отвлекать серьезный умъ отъ университетской науки и отъ задачъ русскаго государства. Онъ не столько критиковалъ или сомнѣвался, сколько изучалъ, старался усвоить положительные выводы, къ которымъ наука пришла въ лицѣ наиболѣе авторитетныхъ своихъ представителей. Сомнѣваться въ авторитетности Адама Смита, Рикардо, Мальтуса казалось ему чуть-ли не святотатствомъ, какъ ему казалось преступнымъ подрывать авторитетъ государственной власти, главной насадительницы культуры въ нашемъ еще полу-варварскомъ народѣ. Духъ Петра, Екатерины и ихъ преемниковъ, казалось, еще не угасъ въ этомъ скромномъ ученомъ и придавалъ ему, маленькому человѣку, обаяніе, хотя и минувшаго, но реальнаго величія. Въ немъ чувствовался атомъ той силы, которая создала великую Россійскую имперію.

Убивала ли въ Горловѣ государственность или, какъ нынѣ любятъ выражаться, бюрократизмъ—потому что въ сознаніи такъ-называемаго русскаго интеллигентнаго человѣка бюрократъ и представитель русской официальной государственности почти одно и то же—убивала ли, повторяю, въ Горловѣ государственность любовь къ наукѣ? Отнюдь нѣтъ. Я помню, какъ передъ самымъ моимъ магистерскимъ экзаменомъ онъ меня встрѣтилъ въ коридорѣ и поздравилъ съ выходомъ перваго выпуска моего перевода „Науки Полиціи“ Роберта фонъ-Моля, заявивъ мнѣ, что всегда очень интере-

совался теорією народонаселенія. По этому поводу онъ пустился въ длинную бесѣду со мной, а я все не понималъ, съ чего это онъ во время лекцій въ коридорѣ, среди сутолоки снующихъ взадъ и впередъ студентовъ и профессоровъ, началъ вдругъ обсуждать со мною, вчерашнимъ студентомъ, одинъ изъ сложныхъ и трудныхъ научныхъ вопросовъ. Занятый въ ту минуту всецѣло предстоявшимъ мнѣ экзаменомъ, я невольно приводилъ этотъ странный разговоръ въ связь съ экзаменомъ, и въ то же время чувство мое къ Горлову раздвоилось: съ одной стороны я его мысленно благодарилъ за то, что онъ, сознавая всю безцѣльность магистерскаго экзамена (развѣ можно въ годъ серьезно изучить всѣ вопросы, входящіе въ составъ данной науки, и зачѣмъ приравнивать молодыхъ ученыхъ къ школьникамъ, занятія которыхъ надо контролировать?) указываетъ мнѣ на вопросъ, который онъ мнѣ предложитъ на экзаменѣ, чтобы я могъ успѣшно сбыть эту формальность; съ другой—у меня зародилось недоброе чувство, потому что подобный пріемъ мнѣ казался не достойнымъ и профессора, и магистранта. Но на экзаменѣ выяснилось, тотчасъ же, что я ошибся: Горловъ мнѣ задалъ совершенно другой вопросъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ я понялъ, что нашъ разговоръ былъ вызванъ исключительно любовнымъ отношеніемъ Горлова къ наукѣ, т. е. интересомъ, который она въ немъ возбуждала.

Если Горловъ ничего выдающагося въ наукѣ не сдѣлалъ, то все не по недостатку любви къ ней, а просто потому, что способности его этого не допускали. Наоборотъ, слѣдуетъ удивляться, какъ онъ при своихъ небольшихъ способностяхъ могъ сдѣлать такъ много, обогативъ на примѣръ русскую науку прекраснымъ для того времени учебникомъ. Еслибы среди русскихъ профессоровъ было побольше Горловыхъ, т. е. людей, какъ онъ, преданныхъ культурѣ, наукѣ и государственности, то наша университетская жизнь сложилась бы нѣсколько иначе. Во всякомъ случаѣ Горловъ всецѣло принадлежалъ къ старой Россіи, которая уже въ его время все чувствительнѣе замѣнялась новою, современною.

Р. Сементковскій.

